

Они сидели на берегу озера, Мальчик и Девочка. Все уже было сказано, последний шепот эхом ворочался в складках соседней горы, устраиваясь поудобнее. Оглушительная тишина заложила им уши, только водомерки скользили по зеркалу с кавалерийским топотом.

Пора было целоваться. Это знали и Мальчик, и Девочка. Оба слегка побаивались этой минуты, потому что она могла спугнуть и тишину, и ту невесомую паутину откровений, в которую они запеленали друг друга. Девочка встала и пошла к воде. Тихо зашла в нее по колено, поежилась, села на корточки и, оттолкнувшись, поплыла прочь. Надо остыть, подумала Девочка. Хорошо бы, подумал Мальчик и, откинувшись на спину, закрыл глаза.

В утреннем полусне он и ждал ее возвращения и боялся его. Но больше, конечно, ждал, и даже соскучился, считая удары собственного сердца. Он набросил на голое тело плед, чтобы роса не смела прикоснуться к нему первой.

Наконец, плеснуло, и легкие шаги догнали его убегающие видения. Она легла рядом, мокрая, и молча положила руку ему на щеку. Он вздрогнул, не открывая глаз.

Ее рука прикоснулась и отпрянула по-детски. Так школьники, вчера таскавшие друг друга за волосы, сегодня вдруг жмутся к стенкам и боятся прикосновения, как удара током. Он лежал, не двигаясь, и ждал продолжения. Рука вернулась и свернулась клубочком у него не шее.

«Спишь?» — спросила рука. «Нет...» — вздрогнули ресницы. Тогда пальцы-пилигримы отправились в странствие по его телу, и он удивился, как много им предстоит пройти. Они наступали легко, шли молча, их короткие шаги отдавались кузнечным боем в его ушах. Он знал, куда они бредут, и навстречу им поднималось раскаленное солнышко его невинной плоти.

Потом вдруг подул ветер — теплый, пахнувший хлебом и вином. Он узнал ее дыхание и понял, что ее лицо — совсем рядом. Прежде, чем ее губы коснулись его щеки, он почувствовал в этом месте ожог. Но вместо губ по ожогу прошелся целебный язычок, отстраняя боль, как случайное воспоминание. И только потом пришли губы, от прикосновения которых по телу пошли круги, как от брошенного в озеро камня. Пилигримы покачнулись на волнах, но не замедлили свой шаг и продолжали двигаться к цели.

Он еще крепче зажмурился, боясь взглядом спугнуть происходящее. Его руки и ноги застыли, как залитый в форму металл, только в паху сладко пульсировали удары крови.

А она вдруг вся отстранилась, оставив его тело в зябком сиротстве — и тут же вернулась, будто повзрослев и разозлившись на свою взрослость. Ушли пальцы — пришли ладони и обшарили его от головы и до пят, будто он украл и спрятал что-то, принадлежащее только им. Кожу заштормило, по поверхности прокатились валы колючих мурашек. Его сознание барахталось в волнах, но пах встречал их каменным молотом, о который разбивалось все — шторм, волнение, страх...

Потом вернулись пилигримы, прошли по выжженной земле окончательным маршем, прикорнув ненадолго у цели своих странствий, и, наконец, ушли насовсем, через зеленую равнину Памяти — в снежные пустыни Беспамятства.

В его мозгу коротко полыхнули видения: огромная мама, закрывающая полмира, кусок белой стены, нищий старик на ступеньках, фотографическая вспышка от снежка, попавшего в глаз...

Тем временем ее тело, как туча в зной, надвинулось откуда-то сбоку, сверху, со всех сторон. Ему на щеку упали первые капли. Наверное, она плакала. Он не знал этого и не хотел знать, замуриваясь все сильнее и сильнее. Его жар отступал в тени ее тела, такого легкого и сильного. Она накрыла его целиком, как трюфовая дама — червонную шестерку. Но червонная шестерка знала, что сегодня — ее день.

День червей.

И, в козырном порыве перевернув мир навзничь, он оказался сверху.

Они шевелились в такт, полураздавленные тишиной, сбивая с ритма все часы во Вселенной. Орали будильники, астрономы пересчитывали расстояние до звезд, стяхивая ближайšie с окуляров своих телескопов.

Он черным всадником несся на своей норовистой кобыле, из-под копыт летели грязь, пыль, куски мебели, мраморная крошка разбитых вдребезги статуй... Мама, заслоня уже полмира, вздымалась сзади в немом протестующем крике... Она было страшна, и он скакал все быстрее и быстрее, только бы убежать подальше, навсегда, насовсем, от этого липкого и сладостного кошмара...

Он звал своих пилигримов, но только скрюченные корни колдовского дуба встретили его на месте их последнего привала. И корни эти, равнодушные к земле, выпростались из нее и вцепились в него, вросли с победным чавканьем, поднимая над кроной стаи нетопырей...

Повеяло сыростью, как из погреба. И вместе с сыростью выплеснулось вино — неведомое, горькое, смертельно пьянящее... Сколько лет оно лежало здесь, среди замшелых бочек, дожидаясь первого путника?..

Кобыла гарцевала под ним, недовольная промедлением, и звала вперед, к совсем близкой уже цели... Он вырвал из себя корни вместе с запутавшимся в них сердцем, выбросил пустую бутылку — и понесся вскачь, уже не оглядываясь, уже поняв, что впереди — обрыв и радуясь этому...

...

Оглянувшись, Девочка увидела, что спустился туман. Она испугалась немного, но не стала кричать и звать на помощь. Она была очень храброй девочкой. Она сумела вернуться к берегу сама и ошиблась только на метр или два.

Она не стала кричать даже тогда, когда увидела своего Мальчика и поняла, что он мертв. Она просто накрыла его пледом. После чего улеглась рядом и закрыла глаза.

И совсем не удивилась, когда услышала плеск и почувствовала, как чьи-то пальцы-пилигримы отправились в путь, обходя капли утренней росы и, переходя вброд капли воды из тихого, самого тихого в мире озера. © Mr. Kiss, Сто осколков одного чувства,

1998—1999гг